

Г 95

ОГОНЕК

№ 31

1950

Ирина ГУРО

**В ДОБРЫЙ ПУТЬ,
КУМРИНИСА!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 31

Ирина ГУРО

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, КУМРИНИСА!

ПОВЕСТЬ

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1950

ИРИНА ГУРО

Ирина Романовна Гуро родилась в 1904 году на Украине в семье инженера. Детство и юность прошли на заводе, где работал ее отец.

В 1924 году Ирина Гуро оканчивает Институт народного хозяйства в Харькове и работает по специальности на Украине, а затем в Москве.

Ирина Гуро — участница Отечественной войны. За выполнение заданий командования награждена медалью «Партизан Отечественной войны» 1-й степени, медалью «За отвагу» и др.

После окончания войны Ирина Гуро занимается литературной деятельностью.

В 1946 году ею написаны повесть «Один из вас», напечатанная в журнале «Звезда Востока», рассказы «Сегодня в газетах пишут», «Кармен» и др.

В 1948 году И. Гуро заканчивает повесть «В добрый путь», изданную к 30-летию ВЛКСМ в Узбекистане.

В 1949 году в журнале «Звезда Востока» печатаются «Самаркандские новеллы» Ирины Гуро.

Ирина Гуро — член ВКП(б) с 1948 года.

Еще я не стар. Еще к моему имени не прибавляют «ата», что значит «отец». Но и тогда, когда люди назовут меня Сагдулла-ата и первый снег в волосах выдаст мои годы, я еще долго не соглашусь считать себя стариком.

В самом деле, почему возраст человека надо мерить длиной пройденного пути? Пусть мне будет позволено думать иначе: следует считать тот путь, что человеку еще дано пройти.

И тогда впереди лягут еще не выполненные большие планы, большие замыслы и надежды. И станет видно, что длинна эта дорога... Я не вижу ей конца. Я хочу еще увидеть великие перемены в своей стране.

Вы скажете на это: «Ай, Сагдулла-ака, каких ты еще хочешь перемен? Разве твои глаза, неблагодарный, не видели величайших перемен? Чего же еще ждешь ты? Ты просто привередник, Сагдулла Убайдуллаев...»

Да, жизнь моей родины круто повернулась. И мои глаза видели этот поворот, и мое сердце радовалось ему... Но я так думаю своим простым умом: чем дальше мы идем, тем быстрее наш шаг. Наш народ набрал большую силу. Вот увидите, как он двинется дальше...

Иногда я поднимаюсь среди ночи. Вы скажете: вот уже начинаются стариковские причуды! А мне просто хочется поразмыслить в одиночестве.

Я выхожу на терраску. Э, как светит луна! Круглая, веселая луна, она похожа на бубен, и кажется, это от нее идет легкий звон, которым наполнен наш сад.

Весенняя ночь летит над колхозом.

Вот уже сколько было таких ночей в моей жизни, а я все еще не устал наслаждаться ими. Я сажусь на порог.

Чем это пахнет?.. Листиком тополя? Так ведь он еще не развернулся. Сочной айвой? Так она еще даже не цвела!

Два тутовых дерева в нашем саду еще совсем голые; они, как близнецы, одного роста. А орех стоит поодаль. Спутанные сучья и ветки ореха, как косматая шапка на голове пастуха.

И откуда этот звук, такой легкий?.. Соловьи еще не поют, и не стрекочут ночами кузнечики... Что же это звенит? Может быть, где-то глубоко драгоценная вода пробивает себе путь тонко звенящей струей? Может быть, просто ветерок перебирает струны проводов?..

Я сижу на пороге и думаю. Я думаю о своих детях. Ведь я отец. Я большой человек: я отец. Это — очень важное звание — «отец». И мне почему-то кажется: никогда не было это звание таким важным, как в наше время. И никогда раньше мы не любили так своих детей, как теперь. Наверное, нужда мешала любить их. Разве мои уста говорят неправду? Разве мало слышал ребенок проклятий, если он десятый в семье, а в доме нет даже лепешки из джугары?!

Ничто не мешает нам теперь любить своих детей...

Но больше всего я думаю о своей старшей — Кумринисе. Я, отец, хочу рассказать о ней людям.

Я не один воспитал свою дочь. Страна помогала мне. Великий человек, который живет далеко от меня, помогал мне.

Может быть, людям будет полезен мой простой рассказ о том, как росла Кумриниса.

* * *

Когда у меня родилась первая дочь, мой сосед Алимджан-огородник, пожилой человек с седой бородой, сказал так:

— Ай, как плохо! Не сына — дочь родила тебе жена. Ты несчастливый, Сагдулла!.. Но ты еще молод, ты еще дождешься многих сыновей...

Другой сосед, Салим-шелковод, у него только-только пробивалась серебряная нитка в черных волосах, сказал немного иначе:

— Понятно, было бы лучше иметь первенца-сына... Но и дочь — подарок судьбы. Пусть растет и цветет, как роза, твоя дочь...

А я был моложе своих соседей и подумал про себя: «А мне все равно, сын или дочь... Может быть, раньше и была мудрость в речах, подобных вашим, соседи, но времена меняются...»

Я подумал это, но ничего не сказал своим соседям, ибо не надо без особой нужды возражать старшим.

И вот моя Кумриниса стала расти и умнеть. И, как всякому отцу, мне казалось, что дочка моя очень быстро растет и очень быстро умнеет.

Кумри сидит на траве на сложенном одеяле, поджав ножки. Вытянув руку, она пальцем подталкивает красного жучка, который и без того бегом бежит куда-то по своему делу.

Кумри подносит ладошку ко лбу, защищаясь от солнца, и смотрит на меня снизу вверх:

— Расскажите мне сказку, папа.

— Что же тебе рассказать, мое солнышко? Легенду про страшного дива, что повстречался путнику в горах?.. Хочешь?

— Нет. Расскажите лучше про зверей.

И я рассказываю сказку про хитрую лису, которая таскает кур у дехкан.

— Плохая лиса, — говорит дочка, — один вред от нее. — И Кумри сползает с одеяла на траву, приминяя ее толстыми ножками.

— Ну нет, не совсем, моя маленькая, — не только вред.

— Но, атаджан¹, вы сами рассказывали: лис кушает зайчат и птенцов, он утащил курицу у бедняка...

Тут я начинаю думать, что моя дочка уже выросла для сказки о лисей хитрости...

— Видишь ли, моя девочка, в сказке не вся мудрость жизни, а только ее половина.

И я начинаю рассказывать, чем полезна лиса человеку.

— Ай! — вдруг кричит моя дочка. — Меня укусил муравей. Зачем он кусается?

— Он защищает свою жизнь, — объясняю я и подымаю Кумри с травы, — сиди на одеяле, девочка. Муравьи умные, посмотри, как они работают.

Кумри серьезно следит за маленькими тружениками. Темные бровки сошлись у нее на переносице. Она похожа сейчас на своего деда — моего покойного отца Убайдуллу Юнусова. Он тоже мог, присев на пятки, часами рассматривать какое-нибудь растение или мелкую тварь.

Кумри следит за муравьями.

И надолго в саду остаются хозяевами только тишина, зной да запах трав.

— Папа, а муравьи говорят между собой... Правда?.. Они говорят, только мы их не слышим...

— Нет, дочка... Говорить умеют только люди.

— Но я сама видела... Один из них позвал другого на помощь, и они вдвоем потащили соломинку...

¹ Папочка.

Я рассказываю про жизнь муравьев, как они делают землю рыхлой, прокладывая себе путь в ней. Ведь их очень много. В одном нашем саду живут тысячи муравьев...

— А сколько это — «тысяча»? — спрашивает Кумри и смотрит мне в рот.

* * *

Моя дочка растет и умнеет. Я учу ее сажать лук, редиску, укроп. Она уже знает, где трава, а где злак, где ценный росток и где негодный сорняк. Пусть она полюбит землю, как ее отец и отец ее отца.

— Какое большое поле! Я не могу перейти его из конца в конец, — говорит моя дочка и садится посреди борозды; она снимает с ноги крошечный чувак и вытряхивает из него комки сухой земли.

— Да, оно, конечно, велико, если сравнить его с грядками около нашего дома.

— Неужели и я когда-нибудь буду работать на таком большом поле?

— Да. Но это только небольшая частица наших колхозных земель, — объясняю я, — это всего лишь участок моей бригады...

Пройдут годы. Может быть, моей дочке покажется малым весь наш кишлак. Ведь даже дерево, вырастая, подымает все выше свою крону — и все больший простор открывается перед ним. Что уж говорить о человеке!

Чем старше и умнее становилась Кумри, тем я больше задумывался, как воспитывать дочь...

И я, как мы все это часто делаем, обратил свои глаза в прошлое, к своему дорогому отцу, уже давно покинувшему нас.

Мой отец, Убайдулла Юнусов, любил меня — я был его первенцем, — и он учил меня жизни. Он хотел мне добра. Это он научил меня сажать и выращивать плодовые деревья. Он хотел, чтобы я хорошо и легко жил, и потому учил меня:

— Без хитрости трудно прожить бедному человеку, сын мой. Посмотри, сколько хитрости в деревьях. Когда проходит слабый ветер, яблоня чуть-чуть кланяется ему. Когда же ветер силен, она низко опускает перед ним свою кудрявую голову. Но едва ветер пронесся, и она уже снова выравнивает гибкие ветви.

А вот упрямый орех... Он не хотел поклониться сильному ветру и, гляди, сломался. Э, как жалко! Совсем молодой, неразумный орех. Учись у деревьев, мой сын. Поклонись низко богатому человеку, тебя не убудет от этого: он пройдет, и

ты опять выпрямишься. Не спорь с богачом: в споре всегда побеждает тот, у кого карман набит туже... — так учил меня некогда мой отец.

Всегда я буду уважать вас, мой дорогой отец, за то, что вы научили меня понимать жизнь деревьев и злаков! Но что касается людей, то тут не всегда вы были правы. И теперь я знаю: человек живет не так, как живут орех и яблоня. Человек меняется быстрее, чем орех и яблоня. Где теперь богачи, перед которыми всю жизнь склонял ты свою голову, бедняк Убайдулла Юнусов? Давно нет их на нашей земле!

И я увидел, что не найду в прошлом ответа на вопрос, чему учить свою дочь. И тогда я обратился к настоящему. Но то были годы, когда мы были еще бедны. Правда, великая революция дала нам землю и воду, но еще каждый корпел на своем лоскутке земли и не знал, как живет его сосед. И многие, даже бедняки, не сразу поняли, где лежит их польза и счастье. И я, скромный человек, горжусь тем, что один из первых стал на дорогу колхозной жизни, на путь счастья, который указал нам великий Ленин много лет назад и по которому повел нас великий Сталин.

Но не сразу мы пришли к нашему колхозному богатству. Люди наши боялись оторваться от старого, они привыкли жить так: у тебя этот год, сосед, плохо уродился виноград — что ж, мне от этого лучше: меньше винограда вынесут на рынок, цена на него будет выше.

Прошло много времени, пока люди поняли, что общее богатство — это и их богатство...

Но тот, чьи глаза обращались к будущему, видел наши поля и сады в небывалом расцвете, и удивительные машины на общем поле, и наших детей, получивших образование и вернувшихся к нам большими мастерами земли...

Я понял, что надо растить дочку для большой судьбы и для большого будущего нашей страны.

* * *

Уходят годы. Как быстрая вода, которая мчится с гор, бегут они и падают в вечность...

Моя дочка Кумриниса, старшая из моих четверых детей, из которых самому маленькому, Алиму, всего три месяца, рано поднимается: к ней пришла ее подружка, маленькая Зайнаб, — всегда она что-нибудь теряет или забывает! Они спешат на площадку — так называет молодежь посыпанный

песком, утоптаный круг в большом колхозном саду. На площадке поставлены столбы с кольцами и устроены всякие приспособления, чтобы прыгать и подтягиваться и даже вертеться через голову. И всеми этими занятиями руководит Фазыл, внук Алимджана. Этот парень — настоящий артист; что они выделывают там, на этой площадке! А по праздникам они будут показывать свое искусство всему колхозу. Но не всем эти занятия нравятся.

Моя жена Таджихон, немного нервная женщина, говорит мне:

— Не понимаю, зачем это наш тюльпан, наша дочь, будет ходить в совсем коротких штанишках и прыгать на поляне в бывшем байском саду? Что в этом хорошего?

— Пусть прыгает: это хорошо потому, что полезно для здоровья, — отвечаю я.

— Пусть даже это полезно, — возражает Таджихон, — но ведь твоя жена не бегала с голыми ногами и не стала от этого больной. И твоя мать тоже не захворала от длинного платья.

И я говорю миролюбиво, потому что не следует волновать женщину, которая кормит грудью ребенка:

— Не будем похожими на скупца, который бережет монету, давно вышедшую из употребления. Если доктора говорят, что молодежи надо упражняться на свежем воздухе, то, наверно, они всё-таки что-нибудь понимают, эти доктора. Ведь для этого они учились...

И моя жена Таджихон, поворчав еще немного, как уже остывающий самовар, соглашается со мной: она всегда в конце концов со мной соглашается.

* * *

Уже прошли годы с тех пор, как я, взяв за руку свою старшую дочь, повел ее в школу — «учкун». Сначала я сам сходил туда и осмотрел все своими глазами. Рахмет Насыров-домулла¹ еще молод, но, как мне показалось, человек серьезный, не какой-нибудь ветрогон. Он обошел со мной школу. Я увидел комнату, где будет учиться моя дочка, и сад, где она будет играть с другими девочками и мальчиками.

Я все осмотрел, и мне понравился дом науки.

— Ваша дочь, уважаемый, — сказал Рахмет-домулла, —

¹ Учитель.

будет учиться читать и писать по-узбекски и по-русски, а потом и на одном из чужеземных языков и считать большие числа. Кроме того она будет изучать природу Узбекистана и всего Советского Союза, а также прошлое нашей большой страны.

Я был доволен, потому что все это очень важные науки, весьма полезные в жизни.

Я хотел еще добавить, что в школе мою дочку также должны научить хорошо трудиться и любить свою Родину, но ничего не сказал, подумав, что, верно, учитель и сам об этом беспокоится, раз его поставили на такой важный пост.

И вот я веду Кумри в «учкун» и чувствую, как дрожит ее рука в моей, будто я держу в ладони живую бабочку.

— Учись хорошо, — говорю я, — твой отец не получил образования, а ведь ему тоже хотелось вкушать плоды науки... Но в те времена, во времена его молодости, бедный человек учиться не мог. Недаром в народе говорили: получить образование — это все равно, что найти воду в пустыне.

С детских лет твой отец, Кумри, стал пасти байских овец и, как только вырос настолько, что мог взяться за ручки омача, начал пахать байскую землю, а потом ушел в город на заработки... Но ты не слушаешь меня...

Вот мы уже подходим... Школьный сад издали похож на цветущее поле хлопка: это девочки в белых платьях и мальчики в белых рубашках бегают там среди зелени.

— Учись хорошо, Кумри!..

* * *

Зимний вечер приходит рано, стучится в окошко, холодным снегом залепливает стекло. Ветер воет в трубе, как злой дух, и летит прочь из кишлака в открытое поле, и кружит там на просторе, и плачет, и стонет, словно ищет и не находит пристанища. В такую погоду хорошо сидеть в доме, где жарки угли в сандале, где яркое свет лампочки над столом и сверчок поет где-то в углу простую песенку. Расстелив газету на столе, Кумриниса раскладывает перед собою книжки и тетради.

Потихоньку от нее я уже пересмотрел внимательно, что это за книги. Я отец и должен знать, чему их там учат! Кроме того теперь каждую минуту моя дочка может спросить: «Папа, почему зимой холодно, а летом жарко?» И многое другое может спросить она, и мне надо быть готовым...

Так и есть: вот она уже придвигается ко мне с книжкой и говорит:

— Ата, вы поможете мне сделать урок?

Ой, бедный отец, не придется ли тебе учиться вместе с маленькой Кумринисой!

— Вы так хорошо читаете по-русски, — просительно говорит эта маленькая лиса.

— Ну-ну... Русскому языку твой отец еще долго сможет учить тебя. Разве он не работал с русскими мастерами на заводе?! Твой отец повидал свет... А что там пишут в этой книге, дочка?

Кумриниса с важностью раскрывает книгу, аккуратно обернутую в белую бумагу, и читает:

— «Вода. Где нет воды, там нет и жизни. Трава, деревья, животные не могут жить без воды. И человек без воды тоже погибает». Ата, я это знаю уже давно. Я это от вас слышала.

Она еще немножко читает и потом спрашивает меня:

— Дальше тоже пойдет все такое, о чем вы мне уже говорили?

— Нет, я этого не думаю. Не стоило бы ходить в школу, если бы там не учили тому, чего не знаем мы, неученые люди.

— Да? — задумчиво говорит Кумриниса. — Но может ли быть, папа, чтобы я, такая молодая, узнала больше, чем знаете вы?

Ты меня растрогала, моя девочка!

— Твой отец, в самом деле, многое знает, но его знание есть знание жизни, а не науки... Читай же дальше, Кумриниса.

И она читает:

— «Вопросы: В какое время года бывает роса?» Разве есть кто-нибудь, кто не знает, когда бывает роса? «Когда скорее испаряется вода: при теплой или холодной температуре?» Я не знаю, когда быстрее испаряется вода, папа. Я никогда не видела, как она испаряется...

— Ну как же, мое дитя, — в какой день лучше сушить белье, в теплый или холодный?

— Ах, папа, я совсем не думала, что это и есть... что, когда вода уходит, это она испаряется. Вот когда вы рассказываете, как бывает в жизни, тогда все делается понятнее...

— Всякая наука берет свое начало из жизни...

— А арифметика, папа?

И она читает скучным голосом:

— «Упражнение: семьдесят три плюс сорок один, равняется ста четырнадцати». В жизни даже таких слов «плюс» и «равняется» нет...

— И опять ты ошибаешься, дочка, — и я объясняю, когда и для чего ей может все это пригодиться...

Так в занятиях науками проходит зимний вечер.

А когда Кумриниса засыпает, я думаю, испытывая одновременно и грусть и радость, что скоро-скоро я уже не смогу помогать тебе готовить уроки... Ты пойдешь вперед, моя дочка!.. Дети всегда идут дальше своих отцов. В этом, собственно, и состоит смысл жизни...

* * *

Весна в разгаре. В моей бригаде в этом году есть и старики и совсем молодые люди, например, Рузмет Арзиев — красивый и трудолюбивый юноша. Но больше всего мне хлопот с Умаром Касымовым. Он не так уж стар, но держится с такой важностью, словно нет никого старше в колхозе. Теперь совсем неподходящее время, чтобы напускать на себя столько важности. А за ним это водится! Всегда у него такое выражение лица, будто он сотню лет прожил на свете и его уже больше ничто не интересует.

Солнце высоко, и вся моя бригада давно в поле. Нет только Умар-ата.

— Он, наверно, заблудился, — смеется Рузмет, — направился в поле, а попал в чайхану... Такой случай описан даже у великого поэта...

Но я не стал слушать дальше молодого человека, потому что, если Рузмет начнет говорить о поэтах на рассвете, не жди окончания его речей ранее полуночи. Я отправился к чайхане.

Издали я увидел, как Умар-ата подходит к дверям чайханы. Очень медленно идет он по улице. Точнее сказать, он не идет, а плывет и смотрит не под ноги себе, а вверх, в облака, изредка только косясь на дорогу, чтобы не оступиться. Взгляд его блуждает в небесах, как будто он сию минуту готов вознестись в сады аллаха, хотя он всего-навсего идет в чайхану посудачить с самоварчи¹.

В правой руке Умар-ата держит цветок. Руку с цветком он поднял и немного отставил, как полагается. Время от вре-

¹ Служащий в чайхане.

мени он нюхает цветок, закрывая глаза. И я невольно люблюсь им. Конечно, почтенному возрасту приличествует эта медленная походка и этот цветок в отставленной руке. Достоинство лет блюдет Умар-ата. Но как же в таком случае быть с планом? Нет, теперь совсем непоходящее время для того, чтоб разглядывать небо и нюхать цветок, решаю я. В крайнем случае можно этим заняться после сбора урожая...

— Почтеннейший Умар-ата! — кричу я ему (ему кажется, что он плохо слышит) и кланяюсь. — Извините, что я прервал ваши размышления... Бригада давно в поле, уважаемый...

— А? Что? Не слышу, — отвечает старик и кладет цветок за ухо...

— Без вас, как без старшего, работа не спорится. Что могут сделать юноши, если глаз опыта не присмотрит за ними?

— Ага, — говорит он, пожевав губами, — я услышал вас. Я как раз спешу в поле, — и он с сожалением косится на двери чайханы, из которых выглядывает горбатый самоварчи.

* * *

Ну, теперь вся бригада в сборе. Красиво работает старик Умар! Движения его медленны, а между тем работа спорится. Да, уж если Умар-ата захочет, он может работать!

— Добрый день, соседи!

Чей это голос? А, моя дочка уже здесь.

— Сделала ли ты уроки? — спрашиваю я.

— Все сделала, атаджан, я хочу помочь вам. Может быть, мои две руки сделают столько, сколько один ваш палец...

* * *

По воскресеньям Кумриниса уезжает с подругами в город, в театр. В этом году они отправляются туда одни, как взрослые, без провожатых.

А мне кажется, это было так недавно: Кумриниса возвращается из города, она была с матерью в цирке.

— Что ты видела в городе, дочка?

— Я видела, папа, как танцевали маленькие собачки, и еще там был смешной клоун...

На следующий год я снова спрашиваю:

— Что ты видела в театре, Кумри?

— Я видела—это ужасно, папа,—как в Америке вьхотят-ся на черных людей, будто это дикие звери. Неужели правда, что черных людей и сейчас преследуют в Америке?

— К сожалению, это правда...

Но сегодня Кумри возвращается из города возбужденная и кричит уже с порога:

— Атаджан, вы понимаете, он убил свою жену потому, что он думал, что она его обманывает!.. Но она совсем не обманывала его... Это все подстроил Яго... А какой артист там играет, какой артист!

— Я знаю эту историю, моя радость. И я много раз видел артиста Абрара Хидоятова... Твоя правда: это большой артист.

— Атаджан! Но почему же он поверил негодяю Яго? Нет, вы скажите: почему он дал себя обмануть?..

* * *

Иногда в нашем доме собираются школьники. Как быстро они все вытянулись! Они напоминают мне дружные весенне-солнцем все сразу. Здесь Зульфия, она высокая, даже выше Кумринисы. Но Кумриниса походит на мальчишку в своей синей блузе с красным галстуком, а Зульфия женственна, нежна. Бог ее прости, она уже знает, что хороша. Я догадываюсь, что она прячет в кармане платья маленькое круглое зеркальце. И Зайнаб здесь, хорошенькая, рассеянная Зайнаб, и ее младшая сестра Муслима, застенчивая, как ранняя фиалка... Она молчаливо следит влюбленными глазами за Кумринисой. И моя вторая дочь, маленькая дерзкая Турсун-ой, сидит вместе со всеми, почти как равная. Но мои глаза замечают, что Кумриниса, порывистая, решительная, с твердой речью, здесь верховодит.

И, что скрывать, я, отец, горжусь этим.

Девочки готовят уроки по русскому языку. «Сочинение» — так называется этот урок. Недавно учитель водил их на большую фабрику. Теперь они должны написать, что они видели на этой фабрике...

— Прежде всего я напишу про конвейер и машины. Мне больше всего понравилось, как идет конвейер, — заявляет Зайнаб.

— А мне, — признается Зульфия, — мне даже во сне при-снились красивые шелковые платья из цеха готовых изделий.

— И ты будешь об этом писать? — слышится голос Рузмета.

Он стоит во дворе и заглядывает в окошко. Всегда он так неожиданно появляется и вступает в разговор... Забавный парень!

— Зачем ты сюда пришел? — сердится Зайнаб. — Ты мешаешь, нам надо заниматься.

— Я только хотел принести вот это, — скромно говорит Рузмет и подает в окно розовую гребенку. — Я нашел ее на дороге и подумал, что, верно, это вы ее потеряли...

Зайнаб, краснея, берет свою гребенку и, бормоча благодарность, закалывает ею волосы.

Любви все возрасты покорны,
Но юным девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям...

читает на память Рузмет и исчезает, оставив девушек в недоумении.

— Что он хотел этим сказать, как вы думаете? — спрашивает простодушная Муслима.

— Ах, не стоит об этом говорить, — говорит Зайнаб и еще больше краснеет. — Давайте лучше готовить уроки.

— Ты еще нам не сказала, Кумриниса, о чем ты будешь писать.

— Я напишу, — говорит Кумриниса и задумчиво смотрит в сад, — про стахановок фабрики... Помните эту высокую женщину — работницу-швею? Она член правительства... Член правительства... — повторяет она мечтательно и строго. — Как это хорошо — заслужить почет и любовь народа своим трудом!

Муслима тоже хочет что-то сказать, но не решается. И Турсун-ой тоже молчит. Маленьких еще не водят на фабрики и не задают им на дом сочинений...

Девушки пишут, усевшись вокруг большого стола, и некоторое время слышны только скрип перьев и вздохи маленькой Муслимы. Потом девочки читают друг другу написанное.

Жена моя Таджихон стоит в дверях, слушает, качает головой и говорит:

— Ведь и ты, мой муж, когда-то, совсем молодым, работал на швейной фабрике, только все это совсем иначе выглядело... Ах, совсем не то рассказывал ты мне тогда про эту фабрику.

— Расскажите же и нам, Сагдулла-ака, — зашумели девочки. — Расскажите, как вы работали на фабрике.

— Это было давно, я был тогда молод...

— Вы и сейчас молодой, — серьезно вставляет Кумри, — в волосах у вас ни сединок, и вы так любите смеяться...

И я рассказываю была давно прошедших дней:

— В Ташкенте, в конце длинной улицы, которая теперь называется улицей Энгельса, помещалась фабрика, на которой я работал. Там, где сейчас пролегли рельсы трамвая, и по обеим сторонам улицы много больших домов и садов, и толпы людей идут по тротуарам, в те времена тянулись пустыри. Весной и осенью стояла там такая грязь, что в ней мог бы потонуть всадник с лошастью, а летом пыль шла по дороге, как туча в небе. Автомобилей в городе не было. Изредка купец проедет в собственном фаэтоне или русский чиновник в извозничьей пролетке да проскрипит арба уличного торговца — и снова тихо на глухой окраине. В сумерки появлялся фонарщик. Он зажигал редкие керосиновые фонари на столбах. Но от этого не становилось светло на улице. Только в окнах трактира горел яркий свет. Ранним утром раздавался дребезжащий, как старческий голос, гудок. К воротам фабрики тянулись рабочие, все больше русские женщины, мужчины были в то время на войне. В фабричных цехах вовсе не было машин, о которых вы рассказываете. В помещениях, похожих на сарай, было душно и смрадно, пахло отсыревшим сукном. Мы шили шинели для солдат. В те годы — вам, конечно, странно это слышать — работницам запрещалось уходить с работы даже покормить грудных детей. И матери приносили младенцев в цех и клали их на кучу лоскута. С нами работали совсем юные девушки, вроде вас, работали так же, как и взрослые, — двенадцать часов в день. В то время труд рабочего совсем не охранялся. Я помню, как погибла одна молодая работница. Ее втянуло валом за косы, когда она надевала ремень на шкив.

По воскресеньям мы не ходили ни в театр, ни в кино. Девушки-работницы сидели на скамейке у ворот, грызли семечки или тут же, посреди пыльной улицы, играли в русскую игру «горелки». И мы только издали, проходя по главной улице города, могли увидеть, как подъезжают к освещенным театрам лакированные экипажи и нарядные люди выходят из них...

Девушки слушают меня, и тень раздумья пробегают по их лицам. Зайнаб не замечает, как падает на пол ее розовая грелка...

* * *

Много, очень много книг читает моя дочка...

Однажды она приносит домой толстую книгу. Кумриниса читает ее до поздней ночи.

— Ложись, дочка, уже поздно. Ведь завтра тебе надо рано идти в школу.

— Сейчас, папа.

И опять шелестят страницы.

Темно за окошком, и черны тени по углам. Я засыпаю и снова просыпаюсь. Серо за окном, и темные тени растаяли в углах. Но опять шелестят страницы, и Кумриниса сидит над книгой.

— Ложись спать, Кумри... Сейчас же ложись...

Кумри не отвечает. И больше не переводит шелестящих страниц... И я вижу, что она плачет...

— Что же это за книга, которая заставила тебя плакать?

— Мне так жалко ее, отец, — шепчет Кумриниса и плачет так горько, что у меня самого на глаза навертываются слезы.

И она рассказывает:

— Она была хорошая женщина, Анна Каренина... Но кругом нее были такие ужасные люди...

История длинная, глаза мои слипаются... И я бормочу:

— Зачем ты плачешь, моя красавица, над этими вещами, которые происходили много лет тому назад, а может быть, даже и вовсе не были, может быть, их выдумал писатель...

— Нет, папа, это все было... — говорит Кумриниса и плачет еще горше. — Такое было и у нас в Узбекистане. Разве не выдавали замуж за нелюбимых мужей, таких же противных, как этот Каренин?

— Твоя правда, дочка, — говорю я и думаю: «Как хорошо, что мои дочери живут в другие времена!» И с этой мыслью я засыпаю...

* * *

Далеко на западе идет война... И, конечно, наш старик Абдулла Саидбаев знает все подробности похода фашистов против народов Европы. Интересно послушать, как старик спорит о политике с нашим Касымджаном: Касымджан — теперь у нас партийный руководитель. Он ездит в город, учится политическим наукам на курсах, читает много газет и книг. Но старик Саидбаев тоже, не беспокоясь, прочитывает газету от заголовка до объявлений. И вот они сходятся, и начинается спор.

— Мы-то, по крайней мере, можем жить в покое и в стороне от всех этих дел. Мы будем, как прежде, спокойно сеять хлопков и выращивать наши сады... И русские братья будут тоже в мире заниматься своими делами, — говорит старик, подняв кверху темный и сухой, как гороховый стручок, палец.

— Вы ошибаетесь, позвольте мне заметить, уважаемый Абдулла-ата. Вы думаете, что империалисты не строят планы и на наш счет?

— Пусть они строят их. От разговоров о халве во рту сладко не делается. Мы можем не обращать внимания на бредни безумца: собака лает — караван проходит.

— Я согласен с вами, что мы сильны, уважаемый. И все же я думаю, что мы должны быть настороже. Мудрость Сталина учит нас, что пока капиталисты нас окружают, мы не можем быть уверены, что они не ворвутся на нашу землю...

— На нашу землю? — Старик Саидбаев встает с ковра и грозно наступает на Касымджана. — Я просто удивляюсь, как вы, партийный человек, говорите такие вещи. Что у нас, мало солдат или нечем кормить их?.. Из одного моего дома уйдут семеро сыновей моих и внуков. И накормить и одеть наших войнов мы тоже сумеем...

— Не ругайте меня, Абдулла-ата... Пусть ваш разум примет слова великого учителя. Мой язык слаб, чтоб убедить вас, — Касымджан раскрывает книгу и читает из нее ответ товарища Сталина на письмо одного человека, по фамилии Иванов.

Он читает: «...смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй».

Люди подымаются со своих мест и собираются вокруг Касымджана... Совсем еще молодой человек Касымджан, еще недавно он краснел, когда к нему обращались старшие. А теперь его слушают и старики: он несет людям мудрость великого человека, слова которого держит в своей памяти...

Все притихли... И вдруг чайхана словно уходит куда-то со своими чайниками и нарами под толстыми коврами, и ветер проходит по комнате, вздувая занавески... Это тень большой войны прошла среди нас, мирных людей.

Все еще молчат, и только горбатенький чайханщик, хихикая, говорит:

— Ну, к нам, в Узбекистан, не дойдет никакой империалист... Но тут Абдулла-ата со всем презрением отчитывает его:

— Твоя голова вмещает меньше, чем самый маленький из

твоих чайников. Как твой язык повернулся, чтоб выговорить такие слова?! Разве мы не едины с русским народом?

И мы все согласны с этим горячим стариком.

* * *

Далеко на западе идет война, но моей дочке до всего есть дело...

— Подумайте, папа, Гитлер в Париже! Почему же они не сопротивлялись, эти французы?.. Почему не сопротивлялись? Ведь французы — храбрый народ, мы учили про Великую французскую революцию и Парижскую Коммуну. Почему же они сейчас не боролись?

— Их предали, — говорю я печально. — Кучка подлых изменников предала французский народ.

* * *

И все-таки, если говорить по правде, мало кто из нас думал, что война придет и на наш двор...

Вот уже сколько лет прошло, а каждый из нас помнит это воскресенье. Горячий июньский день и площадь перед колхозным правлением. Мы были на этой площади все вместе. Все вместе мы чувствовали себя сильнее. Нет, мои дорогие земляки, не забыть нам тот день! Не забыть нам голос Москвы: «Наше дело правое!.. Победа будет за нами!»

* * *

«Наше дело правое!.. Победа будет за нами!»

— До свидания, Касымджан! Возвращайся с победой!..

— До свидания, Рузмет!

— До свидания, Фазыл, внук Алимджана!

— Служите Родине, сражайтесь, джигиты, без страха!

— До свидания, земляки! Пусть не знают усталости ваши руки! Не поминайте нас плохим словом...

— Да продлятся ваши дни!..

* * *

Да продлятся ваши дни!..

Вот и все. Вот и машины уже не видно за поворотом длинной пыльной дороги...

Тихо стало. Кажется, никогда еще так тихо не было в кишлаке.

Я иду вдоль высоких дувалов. Ни звука не доносится со дворов.

У калитки своего дома стоит старый Алимджан.

— Живи долго, сосед, — обращается он ко мне первый. — Изменчива судьба человека. Вот теперь пришло время тебе радоваться... Не сын, а дочь — старшая у тебя в семье...

Ай, как ты нехорошо сказал это, Алимджан-ата! Разве твое горе — не мое горе, разве не вместе мы, земляки, в этот горький час? Но я не хочу с тобой спорить, старик. Не надо спорить с человеком, когда он подавлен горем и язык его не знает, что говорит...

* * *

Медленно ползут черные годы войны. Совсем старухой стала жена Салима: не вернется с полей большой войны ее веселый сын Файзулла Салимов. Согнулся старый Абдулла Саидбаев: не вернется его сын, не вернется его внук...

И нет веселого шума в чайхане, где вечерами иногда собираются мужчины.

— Вы слышали сегодня сводку, — говорит Саидбаев-ата, поднимая кверху сухой палец, — эта весна решит дело большой войны... Америка и Англия так и не хотят вступить в войну. А разве без них мы не справимся?..

И он умолкает на минуту, как будто ждет, что в чайхане раздастся гневный голос нашего Касымджана, уж он-то скажет бы о предательстве этих «союзников»... Но Касымджана нет с нами, и даже писем нет от него уже давно. И старик Саидбаев отвечает сам себе:

— Мы справимся сами. Эта весна будет решающей.

И мы все соглашаемся с этим.

* * *

Медленно ползут черные годы войны.

Старшая из моих шестерых детей, моя дочь Кумриниса, часто задумывается. Она сидит над книжкой, подперев щеку рукой, но не читает. Какие-то новые заботы появились у нее. И первый раз в жизни я не знаю, о чем думает моя дочь.

Кумри приходит поздно из школы. Уже совсем темно. Я слышу, как она открывает калитку. Почему же дочка не запирает ее на засов?

— Разве мы еще ждем сегодня гостей, Кумри? Наши все дома.

Я раздул угли в сандале, и веселый огонь оживился в них.

— Ко мне придет Зайнаб,—говорит Кумри,—поэтому я не заперла калитку. Как у нас хорошо, атаджан!..

— К тебе придет Зайнаб? Вы будете делать уроки?

— Нет,—отвечает, краснея, моя правдивая дочка,—у нас есть одно дело...

И первый раз в жизни я не знаю, что это за дело у моей дочки...

А вот и Зайнаб.

— Здравствуйте!—кричит она еще на терраске.

Она, как всегда, торопится, и, как всегда, что-нибудь у нее не в порядке. Длинная пушистая нитка зацепилась за ее косу. Кумриниса осторожно снимает нитку.

А я выхожу из комнаты, чтобы не мешать подругам. Я отец, но я гордый отец.

Я выхожу во двор. Одинокий тополь стоит у самого крыльца, как ночной сторож. И я тоже стою один, бедный отец, не знающий мыслей своей дочери. Я слышу, как Зайнаб кричит, словно подруга ее глухая:

— У тебя готово, Кумри? У тебя все готово?

* * *

Кумриниса вернулась из школы. Она не хочет обедать. На ходу жует кусок лепешки и спешит к Зайнаб. Я думаю: опять по этому «одному делу»... Книги и тетради дочки брошены на стол, и я прибираю их. Уголок конверта торчит из книжки—это письмо! Кумринисе Сагдуллаевой... Адресовано (обратите внимание!) на школу... На конверте номер полевой почты и штамп: «Просмотрено военной цензурой». Ай, военная цензура, военная цензура, зачем пропускаешь такие письма, чтоб разбивать сердце отца? Конверт разорван и пуст... Нет, маленькая карточка выпадает из него. Красивый молодой русский военный. На обороте надпись (как хорошо, что я умею читать по-русски!): «Дорогой (обратите внимание!) Кумринисе от фронтовика Максима».

Как вам это нравится?

Я сижу над этой карточкой и потираю затылок.

Вот тебе и маленькая Кумри! А ты просмотрел, глупый отец, как выросла дочка, какие у нее глубокие глаза, какой тонкий и гибкий стан!

Э... стойте! Теперь я начинаю понимать, зачем моя дочка выучилась вертеть блестящими спицами, как русская старушка, и вывязывать теплые и смешные перчатки с одним пальцем... И куда только глядели мои глаза? Разве у нас, в Узбекистане, переменялся климат, ожидаются сибирские морозы и надо поскорее выкручивать спицами теплые вещи?! Ай, как ты промахнулся, слепой отец...

И я поскорее прячу фотографию Максима на прежнее место. Я не против русского зятя... Нет! Но все же мне бы хотелось лучше, чтоб это был узбек. Или хотя бы из тех русских, что живут у нас всю жизнь, которые не жалуются здесь на жару летом и не тоскуют зимой по морозам и снегам. Но этот Максим... Боюсь, он увезет Кумри в снега и морозы...

Мои размышления прерывает шум: Зульфия, Зайнаб и Кумри бегут по дорожке от калитки и говорят так громко, что, наверное, их слышат соседи. Особенно пронзительный голос у Зайнаб. А маленькая толстенькая Муслима еле поспевает за ними. Они влетают в дом, Кумри впереди.

— Атаджан!—кричит она и сует мне какую-то бумагу.— Посмотрите, вот ответ! Письмо! И есть еще фотография!.. Я ее спрятала, чтобы не потерять...

И она начинает рыться в книгах на столе. Тем временем Зульфия и Зайнаб атакуют меня: у каждой из них тоже письмо, и они говорят все вместе.

— Теперь мы можем открыть вам одну тайну... Мы договорились, что ничего вам не скажем, пока все не получим ответа с фронта...

— С самого фронта!..

И они читают письма, в которых фронтовики благодарят их за посылки и обещают скоро прогнать немцев с нашей земли.

Ах вы, дорогие мои пичужки! В те годы все мы, колхозники, посылали письма и подарки на фронт, но девочки хотели еще сами от себя сделать что-нибудь для наших героев. И они сделали это, и дождались ответов, и теперь открывают мне свою затею.

Кумри наконец находит карточку, и передо мной вторично предстает уже знакомый мне Максим.

«Так ты его никогда не видела?» Этот вопрос так и вертится у меня на языке. Но я прикусываю свой глупый язык: ведь этим я выдам себя.

Впрочем, из письма мне и так ясно, что они никогда не встречались.

— Вы не сердитесь, атаджан?
— Зачем же сердиться? Все правильно... все правильно!.. — повторяю я.

* * *

Весна была не за горами, и у колхозников голова шла кругом: как будем работать? Одни женщины да старики дома. Или такие, как Рузмет, что вернулся без пальцев на руке...

Вечерами приходил в мой дом Ахмед Саттаров, председатель колхоза. Он приносил списки с фамилиями. Мы начинали опять и опять перекраивать бригады и звенья, заново составлять людей, и карандашные «птички» так и летали у нас по бумажным листам. И вот мы располагаем и так и этак и в спорах своих уподобляемся тому бедняку, который одной полой халата хочет укрыть и ноги и голову.

Наконец Ахмед-ата уходит.

— Дочка, — говорю я Кумринисе, — посвети гостю.

Она берет плошку с жиром, мы провожаем председателя и слышим, как он вздыхает, выходя со двора. Я запираю калитку и вспоминаю, что давно хотел смазать ржавые петли, чтоб не скрипели.

Кумри входит в комнату и забывает задуть огонь в плошке.

— О чем ты так задумалась, дочка?

Тогда Кумри громко смеется, тушит фитиль и бросается мне на шею.

— Отец, — шепчет она мне в самое ухо, как будто боится, что ее слова потеряются на расстоянии. И правда, это золотые слова. — Я уже несколько дней слушаю ваши разговоры... И я хочу работать, отец. Джигиты наши на войне... Мы, школьницы, заменим их. Ведь мы комсомолки...

— А кто же будет ходить в школу, Кумри? Разве не комсомольцы должны учиться лучше всех?

— Мы уже не маленькие, отец. Оставшиеся до каникул месяцы мы будем учиться дома, а потом сдадим экзамены. Поговорите с учителем, атаджан.

Так вот что ты надумала, моя дочка!

* * *

Ну что ж, я иду к учителю. Давно уже на полях большой войны Рахмет Насыров. Теперь учителем его отец — Насыр-домулла. Он выходит мне навстречу. Я приветствую его и желаю ему здоровья.

— Надеюсь, что и вы и ваша семья благополучно здрав-

ствуете, — говорит он в ответ и пропускает меня впереди себя, как гостя.

Но я не хочу проходить первым, потому что домулла есть домулла. Так мы, с минуту вежливо поспорив, входим в дом. Хорошо выглядит жилище учителя. На стене висит карточка его сына. Красивый офицер Рахмет Насыров.

Мы немного поговорили про колхозные дела, про военные новости, а потом я изложил ему свою просьбу.

Подумав, домулла говорит:

— Что же, я не против того, чтобы школьники поработали в поле. Но только с тем, чтобы ученье не пострадало. Потому что самое главное для молодого человека — это учиться. И поэтому я буду вечерами приходить к вам домой и помогать моим ученицам.

* * *

В чайхане пахнет свежими лепешками. Мы сидим, поджав ноги, на широком деревянном помосте, покрытом паласами, и Умар-ата то и дело подливает чай в старые, выдавшие виды пиалы, много раз уже сшитые искусным колхозным чегачи¹.

— С тех пор как ваша дочка стала у нас учетчицей, все пошло по-другому, — говорит старик и гладит рукой сначала лысую голову, потом бороду.

Я молчу.

— Но как же теперь будет с ее ученьем? — осторожно спрашивает Умар-ата и закладывает под язык щепотку наса².

— Домулла разрешил ей учиться дома. Она потом сдаст экзамены.

— Это хорошо, это очень хорошо. Но видите ли, сосед, ваша дочка уж очень горяча. Я не скажу, что она умышленно замерила неверно мой участок... Возможна ведь и простая ошибка. Зачем настаивать на этой ошибке? Зачем срамить старика, чтоб люди говорили: «Умар-ата сделал меньше всех»?

Я молчу. И мне неприятен этот разговор. Я знаю, Кумриниса правильно замерила участок Умара Касымова. Но такой уж это человек, он любит поважничать и держаться впереди всех, даже не имея к тому оснований.

— Вы поговорили бы с дочкой, Сагдулла, — просит он.

— Извините меня, но дело касается ее работы, и лучше вам самому поговорить с Кумринисой.

¹ Мастер, починяющий фарфоровую и стеклянную посуду.

² Жевательный табак.

Старик обиделся.

— Какой же вы отец, Сагдулла-ата, если не можете повлиять на свою дочь? Хорошо, я сам приду поговорить с ней! — угрожающе заканчивает он.

* * *

И он действительно приходит. Калитка скрипит — я все забываю смазать эти ржавые петли, — и Умар-ата, покашливая, задерживается, как это принято, у дувала, чтобы дать время закрыться женщинам во дворе. Но так как в моей семье давно нет ни одной закрытой женщины, я выхожу, чтобы пригласить его войти без промедления.

— Кто есть в доме? — громко спрашивает с порога Умар-ата.

Он хотел по обычаю спросить: «Кто есть в доме из мужчин?», — но прикусил свой язык: ему ведь нужна Кумриниса!

Кумри разговаривает в комнате с Рузметом. Рузмет теперь стал настоящим мужчиной и работником. Кумри часто советуется с ним по разным делам, касающимся молодежи.

Услышав голос старика, дочка выходит из комнаты и вежливо спрашивается о здоровье Умар-ата.

Они заходят в дом, а я остаюсь в саду, не желая мешать их разговору. Кроме того мне как раз надо подвязывать виноградные лозы.

Но вот Умар-ата выходит, и Кумриниса провожает его до калитки.

Он двигается по двору медленно и величаво.

— Все в порядке, — говорит она Рузмету, возвращаясь.

— Я знал, что он согласится, — отвечает юноша.

— Ну, конечно. А теперь зайдём в дом, нам надо написать заявление бригадиру.

И я не могу понять, о чем они говорят и при чем тут Умар-ата.

* * *

Она добилась своего, моя дочь.

— Поставьте учетчиком того, кто не может работать кетменем, а меня запишите, пожалуйста, в бригаду, председатель. Уважаемый бригадир Саидбаев соглашается взять меня в свою бригаду.

Так она твердила и твердила, пока не добилась своего. Она стала работать на поле и работала хорошо. И скоро председатель сам вызвал ее.

— Подбери себе людей, будешь звеньевой. Свеклу сеять будешь,—сказал Ахмед-ака,—я согласен с предложением бригадира.

Узнав о такой новости, Зайнаб прибегает к нам без платка, в кое-как застегнутой жакетке.

— Меня, Кумри, ты, конечно, возьмешь в свое звено!—кричит она так звонко, что отдается в ушах.

— И меня, я полагаю,—улыбается, входя, красивая Зульфия.

— Я тоже думала об этом,—скромно говорит Муслима.

— Да, да, дорогие подруги! Но к этому я хочу добавить еще одну новость.

И что же она надумала, эта хитрая Кумриниса?

— Умар-ата тоже будет работать в нашем звене. Он уже дал согласие. Он был даже доволен, услышав мои слова: «Без вашего опыта мы не подыдем такое большое дело...»

Ну, хитрая лиса, эта Кумри: четыре розы и среди них старая, сухая колючка—Умар Касымов—вот ведь что придумала!

* * *

Какой мудрец сказал, что труд—лучшее лекарство? Поистине, мудрые слова.

В черные годы войны только в поле слышал я громкий смех и песни. Но в этом году громче был смех и веселее песни. Хорошие вести приходили с далекого фронта. И все дальше и дальше от нас уходил этот фронт...

В ту весну мы впервые в нашем колхозе сеяли сахарную свеклу. Из горьда часто приезжал к нам агроном Андрей Иванович Петров. Он рассказывал об украинских сахарных заводах, разрушенных немцами. Рассказы его тяжело было слышать. Но утешали нас слова о том, что новые заводы выросли за годы войны на земле Узбекистана и что наша свекла не хуже украинской. Только это растение требует много внимания и труда. Взрачивая свеклу, мы помогаем фронту, помогаем всему народу. Без сахара не может жить человек.

Кто это говорит? Агроном Петров?

Нет, это его слова повторяет Кумриниса, а колхозники внимательно ее слушают. Просто удивительно, как они все слушают ее!

Да, в эту весну было на поле веселее, чем в прошлые годы. И чаще слышалась звонкая песня Зайнаб.

— Я слышал ваш голос за полтора километра, в колхозной конюшне. Мой конь испугался и не давал себя запрячь,—так говорит насмешник арбакеш¹ Рузмет.

* * *

Победа пришла к нам в то лето. Уже много лет я прожил на свете и многое видел, но такого праздника не помню. И было еще много счастья и радости в дни, пришедшие вслед за Днем Победы.

В чайхане снова бывает теперь шумно и весело. От одних сыновей и внуков Абдуллы Саидбаева тесно на террасе.

Все они рослые и широкие. Ордена звенят у них на груди.

И чего только не наслушаешься здесь! Наши джигиты на танках врываются в укрепленные вражеские пункты, лежали за пулеметами в глубоком снегу, переплывали широкие холодные реки и спускались на парашютах в чужие города.

Мы, колхозники, интересовались, как живут крестьяне в чужих странах, и какова там земля, и кто ею владеет.

И мы слышали про фашистский закон, по которому крестьянский двор объявлялся «неделимым», все получал в наследство старший сын, а братья его, нищие, уходили из деревни прочь; слышали мы и про бедность польских крестьян, поднимающихся сейчас для новой жизни, про безработицу, которой боится американские солдаты, отпущенные на родину.

И не было Касымджана — Касымджана, который уже, наверное, мог бы рассказать нам про все это еще лучше.

Как быстро идет время! Вот уже год прошел с тех пор, как четыре бутона окружили эту старую колючку — Умара Касимова. Прошел год, и не узнать ни девушек, ни старика. Расцвели пышным цветом четыре бутона, и из старой колючки — о диво! — как будто показался свежий росток.

Уже не ворчит, как прежде, старый Умар и не ищет в небесах ничего такого, чего в них не бывает. А если и подымет выцветшие глаза к белым ленивым облакам, то разве только с мыслью, не прольется ли дождь, не помешает ли уборке урожая.

Пятьсот пятьдесят центнеров отборной свеклы с гектара вырастило и собрало звено Кумринисы. Это было самое большее, что до сих пор удавалось собрать. Но, радуясь этому, мы еще сами не знали, на что мы способны.

¹ Возчик.

Осень долго не приходила. Правда, вечера уже стали холодными, и тепло манило в дом. В эту пору приятно посидеть на ковре в чайхане, где собираются поговорить пожилые мужчины. Разговор идет неторопливо, как лениво бегущая вода в арыке, а то вдруг и вовсе замрет, и слышно только, как звенят пиалы да кипит вода в кумгане...

— Видите, сосед, какое хорошее дело сделала ваша дочь, да продлятся ее годы! Ее звено победило в споре на лучший урожай. Тащи еще чайник погорячее, самоварчи!

— Вы правы, достопочтенный Умар-ата, — вежливо отвечаю я и наливаю ему в пиалу чай. — Своим большим дехканским опытом вы помогли нашим девочкам.

— Благодарю вас, сосед. И это правда. И мои скромные труды есть в этом деле. Но Кумриниса, как звеньевая, заслужила свою славу. Она первый человек у нас теперь. И не надо допускать, сосед, — говорит Умар-ата и придвигается ближе ко мне, — чтобы кто-нибудь перегнал ее. Пусть и дальше будет она впереди! Что нужно сделать, Сагдулла-ака? Лучших работников — в звено Кумринисы! Лучший плуг — Кумринисе! Лучшие удобрения — на ее участок! Пусть и в этом году гремит ее слава. Вот мой совет, сосед. Что же ты молчишь? Разве это не добрая слава, добытая честным трудом?

— Это добрая слава, Умар-ата, но только в этом случае не подходят ваши предложения. Не только о своей собственной славе мечтает Кумриниса...

И я вспомнил: как-то поздно вечером мы сидели с дочкой на пороге нашего дома. Теперь мы часто сидим так с нею вдвоем.

— Знаете, — говорит Кумриниса, — о чем я думаю?

— О чем же, моя беспокойная?

— Я думаю, что в будущем году уже многие наши колхозники соберут такой урожай, как я... Но в этом году мы должны добиться, чтобы весь колхоз взял на себя стахановские обязательства, иначе моя работа потеряет смысл.

— Как же так, дочка, ведь твоя свекла уже превратилась в сахар, вот тебе и смысл!..

Но Кумриниса сердится и возражает мне:

— Я одна не могу дать свеклу всем заводам Узбекистана, и одно мое звено — тоже, и даже весь наш колхоз. Надо помогать отстающим колхозам и вытянуть их.

— Вот как теперь рассуждают наши люди, Умар-ата! Они хотят, чтобы каждый — обратите ваше внимание, — каждый кол-

хозяин догонял своих передовиков, а потом появится кто-то другой и поведет их еще дальше. Вы еще не поняли этого, Умар-ата. Но, вероятно, скоро поймете. Эти мысли носятся в воздухе, уважаемый...

* * *

Мы хорошо погуляли с дочкой в городе в то воскресенье. В сумерки мы поджидали у базара нашу колхозную машину: на ней как раз должны были везти товары в колхозный магазин.

Веселым стал опять базар в нашем городе! Многоголосый шум далеко разносится кругом, громко перекликаются торговцы, звонят колокольцы верблюдов, из чайханы доносятся звуки дутара. И все покрывает густой голос патефона, выставленного на табуретке: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех».

— Знаешь, атаджан, эту песню поет и наша Зайнаб. В этом году она будет учиться в городе пению.

— На мой взгляд, Кумри, она и сейчас поет достаточно хорошо.

— Но, может быть, из нее выйдет настоящая певица. Ты только подумай: Зайнаб будет петь в опере!

— Рузмет сказал бы, что это невозможно: в самую интересную минуту она потеряет парик.

Они вечно подтрунивают друг над другом, Зайнаб и Рузмет...

— А вот и наша машина. Ну и набилось же людей!

— Садитесь, садитесь! — кричат нам земляки. — Места хватит.

Шофер открывает дверцу и приглашает меня сесть в кабину.

— Нет, нет, отец сядет с нами! — кричит молодежь. — Сюда, сюда, Сагдулла-ака! Здесь веселее!

Кумринисы подхватывают сильные руки, и она взлетает в кузов. За нею следом взбираюсь и я.

Полуторатонка трогается рывком, мы падаем друг на друга, и это вызывает взрыв молодого смеха.

Но вот мы уже выехали за город. Сухая глинистая дорога бежит между невысокими дувалами, над которыми свесились тяжелые ветви деревьев. Благодатная осень стоит на дворе, настоящая урожайная осень. Быстро темнеет. Пошел дождик, сразу наполнив глубокие колеи пузырячатой влагой. Редкие прохожие спешат, натянув халаты на голову. Утомленная за день молодежь притихла в машине, накрывшись чем придет-

ся. Вероятно, и я задремал. Очнулся я от толчка: машина стояла. Я нагнулся к кабине:

— Зачем стали?

— Инвалида посадил, попутчика, — отвечает шофер, и мы трогаемся снова.

Мне уже не спится. Одно и то же все время бормочет дождь, и я со своего места слышу разговор в кабине, не разбирая отдельных слов.

Я различаю густой голос попутчика, голос этот как будто знаком мне.

И это почему-то меня беспокоит.

Вот мы и приехали. С шумом и визгом молодежь ссыпается с машины, как горох, и, накрыв голову кто пиджаком, кто просто газетой, бежит по лужам под косыми потоками дождя. Моя дочка тоже спешит к дому. Но что-то удерживает меня. И я стою у машины.

«Где человек, который сел по дороге?» — хочу я спросить шофера и вижу, что он помогает выйти из кабины высокому военному.

Значит, это к нам?

И я чувствую странное волнение.

Попутчик поворачивается ко мне, и я вижу Касымджана... Ах, дорогой друг, и постарел же ты! И костыль в твоей руке, как у старика! Бесценный друг! Я обнимаю его, и слезы стоят в моих глазах. А дождь мочит нас и раздувает полы его шинели: ордена и нашивки за ранения покрывают грудь Касымджана.

— Вот мы и свиделись... Почему же ты сразу не сказался, Касымджан?..

— По правде говоря, не хотелось показываться людям в таком виде: прямо с дороги... Полгода в госпитале...

Я беру его под руку.

— Вот ногу, видишь, испортил фауст-патрон...

— Ах, старый друг, в любом виде ты дорог нам...

Касымджан... Вернулся наш Касымджан!..

* * *

Как быстро прошел этот год! Год успеха Кумринисы, моей старшей... Старшей из моих семерых детей... Семерых, потому что в черный год войны я взял в свою семью маленького русского мальчика. Его отец — да будет ему вечная слава! — убит фашистами на украинской земле. Его мать погибла от немец-

кой бомбы. Беленький, голубоглазый мальчик среди моих смуглых и кареглазых, как дынное светлое семечко среди черных арбузных... Пусть растет мой самый младший сын...

Почему я говорю «год успеха»? Не только потому, что Кумри и ее звену удалось вырастить большой урожай в этом году, но и потому еще, что круглый год—да, круглый год—звену выдерживало в своих работах сроки, намеченные планом. И другие звенья тянулись за ним. Вся бригада Саидбаева вышла на первое место.

Теперь моя дочь носит орден—награду правительства—на груди. И мне кажется, что не на год—на целых десять лет стала старше моя дочь.

Серьезнее стала она. И часто ночью она подолгу сидит на пороге одна. Ну, точь-в-точь как это делаю я, если хочу о чем-либо поразмыслить в тишине.

И я подхожу к ней и сажусь рядом на порог.

— Давайте поговорим, атаджан.

— Я всегда готов говорить с тобой, дочка. О чем же?

— О будущем. Вы слышали, что рассказывал Касымджан?

— Но ведь это уже в прошлом, а ты хотела говорить о будущем.

— Подождите... Я и сейчас вижу перед собой развалины домов, разрытую мостовую чужого города в дыму, в огне, и среди дыма и огня наши мужчины — Касымджан и другие. Каждый шаг их—это смертельная опасность, а они двигаются вперед. Это большой труд войны... Атаджан, мне кажется, я только сейчас поняла, как мы должны трудиться здесь, на нашей земле. Наш труд тоже велик, тоже тяжел. Сколько силы мы положили на то, чтобы вырастить наш урожай! И все-таки я думаю, что могу в будущем году сделать больше, чем в этом! Ведь мы трудимся для мира...

Так вот о чем ты думаешь по вечерам, сидя на пороге, моя дочь! И я спрашиваю ее:

— Ты думаешь взять на себя новое обязательство?

— Это я уже решила, атаджан. Я только рассчитываю, какое это должно быть обязательство.

* * *

Ахмед-ака зовет Кумринису на совещание. Но хоть она и носит на груди орден, отец для нее есть отец. И она просит:

— Пойдемте со мной, атаджан, вы поможете нам советом, предстоят большие дела.

И я иду. Мы выходим из нашего двора на улицу, на которой в этот вечерний час много народу.

Я иду впереди, как старший, Кумри — немного сзади; но, примечая я, люди, кланяясь мне, задерживают свой поклон, чтоб он достался и моей молоденькой дочке.

На углу, где с утра шумит маленький базарчик, теперь совсем пусто. Осенний ветер кружит листья. Скучная пора. Ко сну идет земля.

Шесть часов, а уже темно. В помещении сельсовета горит яркий свет. Ахмед-ака сидит над книгами, счетовод щелкает на счетах. На печке кипит чай в кумгане. Здесь же парторг Касымджан и секретарь комсомола Рузмет. Вся бригада Саидбаева в сборе. Из города приехал агроном Петров. И оказывается, все только нас и ждали.

— Так вот мы посовещались... — Кумри смотрит на Рузмета, тот одобрительно кивает ей головой. Кумри немного бледна, как всегда, когда волнуется. — Мы посовещались и решили взять на себя обязательство: мы дадим в этом году не меньше восьмисот центнеров с каждого из наших четырех гектаров.

Все молчат. Кумриниса сказала свое слово, но она молода, молодости свойственно увлекаться. Так, я вижу, думает Ахмед-ака. Но, может быть, он просто взвешивает эту цифру? Что думает парторг, я не знаю, он улыбается. Я не прочел его мыслей на лице.

— А как вы думаете, Андрей Иванович? — спрашивает председатель агронома.

— Я думаю, что эта цифра реальна, — отвечает агроном.

— В этом году ты со своим звеном дала пятьсот пятьдесят центнеров с каждого гектара. И я не скажу, что вы ленились и мало работали, — осторожно замечает Ахмед-ака, заходя изда-лека.

— Ваша правда, председатель, — говорит Кумриниса и встает, — но позвольте мне напомнить вам: мы поздно взялись за подготовку земли, — и она загибает палец, — мы запоздали с пахотой, — и она загибает второй палец. — Кроме того нас подвели с минеральными удобрениями, — и Кумриниса бросает взгляд на агронома.

— Этого больше не будет, — вставляет Петров.

— Вот три причины, почему мы дали только пятьсот пятьдесят центнеров.

— А разве ничего не стоит наш опыт? — вмешивается Ка-

сымджан. — Вот в прошлом году мы не знали, как нужно замачивать семена, а теперь знаем. И многое другое мы будем применять впервые. Как твое мнение, Рузмет?

И Рузмет отвечает:

— Мое мнение такое: обязательство дает комсомолка, — значит, оно будет выполнено!

Вот так началось соревнование за восемьсот центнеров сахарной свеклы с гектара.

* * *

Осень в тот год была холодная. Однажды вечером вдруг пошел снег. Он шел и не таял. У нашего дувала образовался сугробчик на радость моим малышам. В доме у нас тепло. На столе скромный дастархан¹: изюм, халва, орехи и желтые свежие лепешки. Но гости не спешат кушать. Кумриниса сдвигает все на край стола и кладет лист бумаги перед товарищем Петровым. Все четыре розы здесь. И старая колючка тоже, как всегда, среди них.

Я принес углей и подсыпал в печурку. Совсем зима на дворе. Ветер с силой захлопнул за мной дверь.

— Вот здесь записан план действий нашего звена, что и когда делать, — говорит Кумриниса агроному.

— В наше время, — ворчит Умар-ата, — не писали планов. Да, по правде сказать, мало кто и писать умел в те годы. Земля родила у нас и так. Ибо, как известно, землю удобряют навозом, а не писанной бумагой, — и старик отправляет в рот щепотку наса.

— Вы правы, Умар-ата, — говорит дочка скромно, но в глазах у нее прыгают огоньки, — не бумагой удобряют землю... Но мне так думается: в ваше время вам и нечего было записывать и подсчитывать: это делал бай, на земле которого вы работали...

Умар-ата молчит: просто ему мешает нас.

* * *

Признаться, мне, пожилому человеку, сначала казалось странным записывать на бумаге само собой разумеющиеся вещи, например, о том, что надо с осени вспахать землю. Да еще проставлять число, к которому эта работа должна быть закончена. Но я должен признать: когда записываешь у себя в тетрадке, что твоему звену или бригаде предстоит сделать,

¹ Угощение.

гораздо легче проверить потом, идет ли дело как требуется. И потом, что ни говорите, приятно написать сбоку: «Выполнено в срок». Да! И я даже сам ввел такие записи у себя в бригаде. Как это теперь называется, «перенял опыт». Что же тут плохого? Хорошему никогда не стыдно поучиться.

Прежде всего вспахать землю. Дать ей свободно дышать и впитывать влагу... Дочка, в сапогах, с косами, закрученными под косынкой, быстро идет по полю, по которому только что прошел трактор; то и дело она наклоняется к свежим бороздам. Холодно. С гор дует сильный ветер. Последние листья, кружась, падают с деревьев, что стоят вдоль поля, как будто следя за тем, что мы делаем, и кивают нам ветками, тихо шепча: «Посмотрим, посмотрим». Холодно. Но Кумри снимает телогрейку. А немного погода сбрасывает и косынку, и две косы падают ей на спину.

Утирая рукавом пот, Кумри говорит:

— Посмотрим, как глубина...

И мы замерили. Глубина была хорошая: двадцать пять—двадцать семь сантиметров...

— Так и будем держать. Подумайте, атаджан, когда еще свекла вырастет, а ведь от этой вспашки она станет сахаристее—завод не будет обижаться...

И она все идет и идет по полю, смотрит, глубока ли борозда, иногда возвращается и проходит это место второй раз.

— Надо показать всем нашим колхозникам, чтоб так же пахали... И Турсун-ой тоже,—говорит она.

Моя Кумриниса не любит стоять одна впереди. И я был рад, что сказал однажды эти слова Умару Касымову.

Алимджан-ата подходит к нам:

— Здравствуйте, соседи, не уставайте! Не дочка у тебя, а сын-джигит! Твоя Кумриниса командует пахотой, словно мужчина. Ну и девицы пошли в наше время! Палван¹-девица твоя дочь!

И я вспомнил, как много лет тому назад жалели меня соседи за то, что не сына, а дочь родила мне первым ребенком жена. И я еще немножко подумал про младшего сына Алимджана, гуляку и лентяя, который не хотел учиться. Но я промолчал, потому что нехорошо напоминать человеку его ошибки, которые он уже и сам признал.

¹ Богатырь.

Вы думаете, что зимние месяцы после осенней пахоты мы отдыхали? Нет, с ноября и по февраль вывозили удобрения на поле. Вот в эту пору и произошел у меня разговор с дочкой.

Начал, как это часто бывает, тот же Алимджан.

Вечно он собирает всякий вздор! Как будто он копит в себе всякие неприятные мысли и при случае тебе их выкладывает, если ты даже и не очень интересуешься его мнением. И вот как-то вечером этот старик зазывает меня в свой двор и после вопросов о здоровье говорит:

— Прости, что я вмешиваюсь в твои отцовские дела, но не думаешь ли ты, сосед, это нехорошо, что твоя дочь возится с такими вещами, которые дурно пахнут... Красивой девушке, розе из роз, совсем не идет грязная работа. Твоя дочь носит на груди награду правительства: она имеет заслуги. Разве не найдется в колхозе рук, более подходящих для черного труда? Это хорошо, когда девушка собирает хлопок или прорывает свеклу, приятно смотреть, когда она срезает виноградные кисти. Но, прости меня, накладывать навоз вилами на арбу... И ты, ее отец, должен пораскинуть умом: кто возьмет замуж девушку, которая сама разбрасывает по полю отходы, пусть они даже носят теперь мудреное название «фекалий»?..

Так многословно изъяснялся старый Алимджан, а я ничего не ответил ему: не надо спешить с ответом, если он самому тебе еще не ясен.

Когда я вернулся домой, Кумриниса еще не спала и внимательно читала какую-то книжку.

— Что ты читаешь, дочка, трогательную историю о любви девушки Татьяны? — спрашиваю я и думаю: «Вот хорошая зацепка для разговора... О нежной девушке, которой не к лицу возиться с грязными вещами...»

Но Кумри восторженно отвечает:

— Нет, атаджан, я читаю замечательную книгу. В ней рассказывается о русской колхознице Марии Демченко. Она тоже сеяла сахарную свеклу. Я читаю, как она добивалась высокого урожая.

«Это не совсем подходит к тому, о чем я хочу говорить. Но все равно, я должен высказаться», — думаю я и начинаю не совсем уверенно говорить ей приблизительно те слова, которые я услышал от старого Алимджана. Я передаю их просто, как разговор с соседом.

Мне и сейчас неприятно вспоминать, как на меня посмотрела моя дочка.

— И это вы, отец, говорите мне такие слова?! Это вы мне советуете самое ответственное дело перебросить на чью-то спину?

— Я ведь еще не сказал своего мнения, — вставляю я.

Но Кумри не слушает меня:

— Вы хорошо знаете, чего требует наша земля, наш серозем!..

— Но выслушай меня, Кумриниса, ведь я просто передал тебе слова соседа.

— С каких это пор вы стали считаться с мнением соседа Алимджана? Пусть Алимджан лучше смотрит за своим сыном...

— Ну, хоп¹, Кумриниса, — бормочу я. И я сам не рад, что затеял этот разговор.

Но тут недобрый дух подсказывает мне слова Алимджана насчет замужества... Ой, лучше бы я уже сомкнул свои уста...

— Знаете, атаджан, — говорит очень громко моя дочка — ни разу она не говорила со мной так громко, — никогда, никогда я не выйду замуж за человека, который не уважает нашего труда.

Я молчу: она права...

Дети всегда видят дальше, чем их родители, они идут вперед. И в этом, пожалуй, состоит смысл жизни...

* * *

И опять Кумриниса на поле показывает, как надо разбрасывать навоз.

— А где же минеральные удобрения? Почему не везут? — волнуется Зайнаб.

Она забыла заплести косички, и волосы ее развеваются по ветру. Но вот издали слышится песня. Это арбакеш Рузмет распевает свои стихи.

— Здравствуйте, красавицы!

И Рузмет принимается помогать девушкам разгружать арбу. Затем девушки развозят на тачках по полю удобрения, складывают их в небольшие кучки: перед пахотой они разбрасывают их, чтобы земля питалась равномерно. И обратите ваше внимание: удобрения распределяются по весу, а не на глаз... Наука приучила наших девушек к точности.

Некоторые смеялись:

¹ Ладно.

— К чему тут взвешивать и рассчитывать? Это — поле, а не аптека, где можно отравить больного лишней щепоткой порошка.

Так говорили некоторые. Потому что старое не сразу выходит из головы людей. Постепенно переделываются люди, и постепенно меняются мысли их.

Да и как им не измениться, когда они увидят результаты трудов Кумринисы и ее звена!

Весна. Каждый вечер люди толпятся у большой доски, где ежедневно вывешиваются сводки по бригадам и звеньям, и всегда на первом месте видят: «Кумриниса Сагдуллаева».

Этой весной Кумриниса не ездит ни в парк, ни в театр. Впрочем, Касымджан и Рузмет приглашают театры к нам. И прямо в поле, на помосте из досок, положенных на машину, поет наша любимая певица. Она поет старую узбекскую песню, в которой девушка грустит о любимом. Далеко разносится музыка, сладкая и нежная, как ломтик зрелой дыни. И я слышу, как вздыхает Кумриниса. Потому что любовь волнует девушку даже тогда, когда стучится у чужих дверей...

* * *

Еще ночь на дворе. Еще лежит плотный туман на земле, и в мутном небе не светлеет даже то место, где скоро будет вставать солнце.

Я просыпаюсь от стука калитки. Кто вошел в наш двор? Или вышел? Постель Кумринисы пуста. Мне уже не спится. Разве это дело — ночью одной бегать по кишлаку? И я поспешно одеваюсь. Уж я знаю, куда лежит путь моей дочери.

По обеим сторонам дороги тянутся желтоватые дувалы, а над ними свешиваются ветви деревьев. Все еще спят. В чайхане плотно завешены окна. И сонным голосом бормочут что-то тополя.

Я сворачиваю за угол, и вот свежее, прохладное дыхание полей доносится до меня. С чем может сравниться этот аромат? С глотком ледяной воды в жаркую пору? Я вижу Кумринису, стоящую среди поля.

Ветер относит назад шарф с ее шеи.

Губы ее шевелятся. Она наклоняется и берет горсть земли; она тщательно разминает ее и рассматривает, держа ладонь совсем близко у глаз. Бог всемогущий! Точно так делал мой покойный отец Убайдулла Юнусов. Как ты похожа сейчас на своего деда, моя дочь!..

Но кто это бежит, путаясь в собственном платье? Бежит, как будто за ней гонятся злые духи ночи... Это Зайнаб. По дороге она теряет чувак с ноги. Торопливо надевая его, она уже издали кричит:

— Ну, Кумри, как? Начинаем?

А я уже давно догадался, о чем беспокоится моя дочь. Очень страшно пропустить сроки: почва созрела, — значит, нужно начинать пахоту.

И поняв все это очень хорошо, но не желая надоедать непрощенными советами, я вернулся в дом и улегся в постель. Следом за мной пришла и Кумриниса. Она поворочалась немножко, повздыхала и заснула. А я уже не заснул больше и, едва рассвело, отправился к бригадиру Саидбаеву поговорить насчет трактора.

* * *

В пустом амбаре Зайнаб поливает из лейки вороха свекловичных семян. Струйки прыгают в разные стороны.

— Ты всю меня облила, сестра, — жалуется Муслима. — По своей рассеянности ты можешь и меня закопать в землю, как свекловичное семечко...

— Что вы колдуете здесь, красавицы? Зачем вы сюда забрались? — старик Алимджан появляется на пороге.

— Дедушка Алимджан, семена ведь надо замачивать на деревянном полу, вот мы и нашли такое место, — объясняет Муслима.

— Спасибо, внучка, что научила старика уму-разуму. Первый раз слышу такое, — произносит Алимджан с насмешкой и проходит дальше.

— Конечно, — говорит Кумри, — раньше очень просто делали: спускали мешок с семенами в арык. Ничего хорошего для посева в этом не было. — И девушки замачивают семена нагретой водой и затем уже разбрасывают их по полу.

— Скоро мы вас бросим в землю, там вам будет тепло и мягко, — шепчет Муслима.

В эту весну бригада Абдуллы Саидбаева по-особенному готовилась к севу. Не первый год бригадиром Саидбаев. И все же по-другому озабочен он этой весной. Больше обязательство — большая работа. И там, где раньше смотрел один глаз, смотрят теперь оба. И как-то Абдулла-ата говорит мне тихо:

— С тех пор как твоя дочка стала звеньевой у меня, мне сильно прибавилось заботы... Но я ничего не имею против, нет... Это забота об урожае, о колхозе...

Вот по участку прошел культиватор и разрыхлил землю. И Кумриниса снова вымеряет, отсчитывает, записывает в свою тетрадку.

— Пятьдесят, шестьдесят сантиметров должно быть в междурядье, — в которой уже раз говорит она подругам и идет дальше с меркой.

— Вот что значит слушаться науки! Смотри, как твоя дочь уважает законы агротехники! — Касымджан, улыбаясь, смотрит вслед Кумринисе и добавляет, наклоняясь ко мне: — Я радуюсь вместе с вами успехам вашей дочки в школе: пятерки — большое дело для молодой девушки. И это ведь нелегко — сдавать экзамены, не оставляя работы в поле!

«Так, — думаю я, — значит, не только я, отец, и моя жена Таджихон со всем вниманием читаем табели с отметками Кумринисы! То же самое делает, оказывается, парторг». И я говорю Касымджану-ака:

— Дорогой друг! Вы знаете, что я не один воспитывал свою дочь...

* * *

Прошло шесть дней. Эти шесть дней аккуратнее, чем всегда, Кумриниса отрывала листочки календаря над своим столом. На шестой день, оторвав листок, она вздохнула. Ну и скупа же на слова моя дочка! Впрочем, я и без слов хорошо понимаю ее.

— Еще рано, — говорю я.

— Вы думаете, отец? — обрадовалась Кумриниса. — Атаджан, вы как считаете? Ведь мы все сделали? И подготовку провели хорошо и посев... Или мы что-нибудь упустили?

— Я думаю, что нет...

— Почему же земля молчит?

— Она молчит, пока к ней не приложит руки человек. Вы хорошо поработали, и земля ответит вам.

— Так почему же нет всходов? Хоть бы один показался!

— Дочка, они взойдут все сразу.

— Да, я знаю. Дружные всходы... Но все-таки, атаджан, хотелось хоть что-нибудь увидеть... Ну, хоть бы один какой-нибудь сумасшедший росток показался прежде времени!

На седьмой день появились всходы.

Вечером я застаю Саидбаева в нашем саду. Он беседует с Кумри и с Рузметом. Понятное дело: бригадир и звеньевая обсуждают свои дела. И комсомол тут тоже не лишний. Рузмет у нас в колхозе, можно сказать, — голова всей молодежи.

...Наверное, речь идет о посевах. Но мне слышится совсем другое:

— Если внимательно читаешь речи этих деятелей, кажется, что с того света явился Геббельс. Только и разговоров, что о «руководстве всем миром», о «подвижных границах», которые «двигаются» по всему миру,—это говорит Кумриниса.

Рузмет отвечает:

— Вот эти «подвижные границы США» да еще так называемые сферы безопасности—это те же «жизненные пространства», о которых говорили фашисты в Германии... Добрый вечер, — перебивает он сам себя, увидев, что я захожу в сад, — мы немного заговорились тут о политике...

— Я слышу это и удивляюсь тому, как далеко летают ваши мысли... Они, насколько я понял, умчались за океан... Не отвлекают ли вас такие далекие путешествия от наших мирных колхозных дел?

— Ах нет, папа, они как раз и заставляют нас еще больше внимания уделять нашим колхозным делам!—говорит, смеясь, Кумри.

Саидбаев молчит, улыбаясь в усы, но видно, что наш политик доволен такими словами.

* * *

Много дела! Много забот!

Сто тысяч растений свеклы надо вырастить на гектаре. Сто тысяч растений на гектар надо для того, чтобы выполнить новое большое обязательство.

Сто тысяч! И, поверьте мне, каждое растение было у звена на учете, и за каждым ухаживали, словно за малым ребенком, и кормили, и подкармливали его удобрениями, и полили поливами. Я даже слышал однажды, как маленькая толстенная Муслима, круглая, как виноградинка, сидя на корточках, говорила какому-то хилому ростку: «Расти, расти, маленький! Поправляйся. А то мы тебя вырвем прочь!».

* * *

Еще задолго до сева Кумриниса стала частым гостем на складе вместе со стариком Саидбаевым. Ведь он у нас не только первый политик в кишлаке: он также большой мастер машин, возделывающих землю. Сам Арзиев, знаменитый узбекский кузнец-конструктор, советовался с ним.

Кумриниса осмотрела окучник и культиватор Арзиева.

— Погляди на эту машину,— говорит Саидбаев, хлопая машину по боку, будто это конь.— Обрати внимание на ножи, они так и врезаются в твердую землю. Верхний плотный слой рассыпается под ними, как темный душистый табак. Да, в дни моей молодости мы даже не думали, что наш дехканский труд облегчат такие умные создания из железа и стали...

Старик прав.

Залюбоваться можно было работой этой разумной машины, когда ее вывели в поле.

Но... произошло неожиданное. Ведь на каждой дороге встречается камень, и, если нельзя обойти этот камень, приходится его сдвигать. Тем более не обходится без трудностей в нашем деле. Мы боремся с природой, мы побеждаем ее, но и она, что ни говори, сильна и уступает не сразу.

Вдруг пошли дожди. День льет дождь, и другой день льет, и третий. Сильные, прямые струи хлещут по спинам наших девушек, когда они, накинув на головы жакетки, бегут на свой участок. Я вижу, как сдвигаются у переносицы широкие брови Кумринисы и тень большой заботы ложится на смуглый девичий лоб. И уж не знаю, слезы или дождевые капли бегут по пухлым щекам Муслимы.

Они сидят на корточках среди поля, склонив головы над молодыми посевами. Зеленые росточки забрызганы грязью, дождевые струи то смывают грязь, то снова забрасывают ее на ботву.

— Они заболеют и погибнут,— хнычет Муслима.— Посмотри, Кумри, какая корка на земле от этих дождей!..

— Ты ужасная плакса! Берись лучше за кетмень, не лей заранее слез.

— Так ты же сама говорила нам про эту корку, что она мешает воздуху проходить к молодым корешкам и от этого они болеют...

— Это верно. Но ты видела, как врачи делают прививки? Тебе сделали порез на руке, чтоб ты не заболела оспой? Мы тоже сделаем предупреждение болезни...

И они начали снова рыхлить землю, шаровать кетменями.

* * *

После дождей все зазеленело и заблестело под солнцем, радуя глаз. Всходы стояли веселые, бодрые и сулили большой урожай.

Но тут произошел у нас переполох. Во время шаровки Муслима заметила маленького жучка, ползущего по листику свек-

лы. Она так закричала, как будто ее укусил скорпион. И, правда, этот жучок-долгоносик еще опаснее скорпиона.

— Я сразу узнала, кто это, — с гордостью говорила потом Муслима, — и подняла тревогу.

Стали осматривать каждый листик, нашли несколько попорченных вилочек и поймали еще жучков.

— Что будем делать, Кумри? — спрашивает Зульфия. — Мы могли бы сразу взяться обирать их, но кто же будет делать за нас шаровку? Ее ведь нельзя прекратить.

И тогда я напомнил Кумри, как совсем маленькой девочкой она прибегала помогать мне в поле: «Может быть, две моих руки сделают столько, сколько один ваш палец?».

Кумри собрала детей.

— Товарищи молодые колхозники! — так она начала свою речь к ним. И это сразу всем понравилось. Притихли даже младшие братья Муслимы, известные шалуны. — У вас сейчас каникулы. Хорошо, что вы играете и веселитесь. Хотя иногда ваши игры бывают мне непонятны. Вчера, например, я видела, как некоторые из вас бросались в большой хауз¹ за дорогой во всей одежде...

— Это мы играли в форсирование Одера! — кричит самый младший брат Муслимы.

— Преодоление водной преграды, — солидно объясняет Саид, его брат постарше. (Какие слова! А по-моему, так этот старший тоже еще совсем недавно ползал на четвереньках в песке вместе с моим сыном Алимом.)

— Вот как! — говорит Кумри. — Но почему бы вам вместо выдуманных преград не преодолевать настоящие? Не хотите ли вы помочь нам? Страшный враг угрожает нашим посевам.

И Кумриниса рассказывает про вредного жучка-долгоносика.

Я вспоминаю, что видел у нее на столе толстую книгу о вредителях в сельском хозяйстве.

На следующий день Саид привел на поле все свое войско.

И я слышал потом, как Саид и его друзья называли себя «юными мичуринцами».

— Хорошую дочь воспитали вы, Сагдулла-ака, — говорит мне как-то Касымджан Рузиев. — Она упорна в труде, все время учится и заставляет учиться других.

И я очень рад это слышать именно от Касымджана Рузиева, партийного человека.

¹ Пруд.

* * *

А после всех этих волнений началась кропотливая, берущая много труда работа — прорывка. Ведь их всего пятеро в звене. А эту работу надо кончить в срок, пока не появилась вторая пара листочков на растениях.

Девушки встают теперь раньше, приходят с поля позже обычного. Зайнаб не прислушивается больше к песням арбакеша. Зульфия забывает глядеться в зеркальце.

— Я думаю, наши родные не откажутся помочь нам, — говорит Кумри. — Если мы попросим пожилых членов семьи и детей, которые уже один раз выручили нас...

— Правильно! — кричит Зайнаб. — Наш дедушка, например, он нам поможет... И братишки тоже... Ведь у них теперь мичуринский кружок.

Четыре быстрых девушки и величавый старик ходят по участку, у каждого метровая палочка с метками через двенадцать сантиметров. Двенадцать сантиметров должны отделить один росток от другого. Оставляются только самые мощные растения. Тот заморыш, над которым приговаривала Муслима, наверное, давно уже вырван. На участок Кумринисы приходят колхозники из других бригад посмотреть, как Умар-ата с присущей ему важностью вымеряет двенадцать сантиметров между растениями.

— Первый раз вижу такое одинокое растение, — говорит Алимджан-ата, — мало ли что может случиться с ним? Не лучше ли по-старинке оставлять по два-три растения в одном месте? Если вредитель и сожрет одно из них, останется другое. Зачем искушать судьбу?

Старая песня слышится мне в этих словах: да, когда-то оставляли несколько растений вместе, рассуждая так: одно сожрет жучок, другое сломает ветер, третье пригнет к земле гнев алаха, ну, а четвертое, может быть, уцелеет.

— Мы не дадим случиться беде, никакой беды мы не допустим на наши поля, — говорит Кумри. — Пусть растут наши растения привольно, мы не дадим их в обиду!

Вот так учит их нынешняя наука о земле и ее плодах.

* * *

Товарищ Петров осматривает участок, а Кумриниса идет за ним следом.

Ученый-агроном проверяет качество посевов свеклы. Он держит в руке большую свеклу и показывает ее всем.

— Обратите внимание на этот длинный, в виде конуса, корень,— говорит он.— Это хорошая, высокой сахаристости свекла. Вот что значит, когда растения не угнетают друг друга и земля хорошо возделана.

Ученый-агроном говорит, как все ученые люди, заглядывая вперед:

— Можно сказать, что вы имете все возможности выполнить свое высокое обязательство. Бойтесь только потерь при уборке,— добавляет он.

И я слышу, как Кумриниса облегченно вздыхает, точно тяжесть упала с ее плеч. Она давно ждала этого момента, когда, хотя бы приблизительно, можно определить судьбу урожая.

* * *

Уборка принесла новые заботы бригаде.

— Атаджан, вы знаете, у нашей свеклы очень длинные корни.— Кумри говорит это так беспокоино, что становится немножко похожа на свою мать Таджихон. Та, бывало, таким же тоном говорит мне: «Ты знаешь, у нашего Файзуллы прорезываются зубы».

— Ну и что же, мое солнышко, ведь это хорошо! Свекла доброго качества.

— Но как же подкапывать так глубоко? Ведь машина своими ножами будет подрезать корни!..

Золотой старик Саидбасв находит выход: колхозные мастера подготавливают специальный плуг для глубокой подкопки. Теперь свеклу не поранит нож.

Кумриниса—частая гостя на складе. Там готовятся вилы, ножи, ящики-мерницы и многое другое, что нужно для уборки и перевозки урожая. И я знаю, что ей крепко запомнились слова агронома о потерях.

Как-то вечером во двор ко мне входит Касымджан-ака.

— Я поздравляю тебя, дорогой друг,— говорит он немного торжественно,— сегодня мы приняли твою дочь в кандидаты партии большевиков.

* * *

Да, богатый урожай стоял в нашем поле, а Кумриниса все еще не давала отдыха ни своим рукам, ни мыслям. Весь сентябрь и половину октября держалась солнечная жаркая погода. Мощные растения стояли сочные и свежие, несмотря на зной. Каждый день корень прибавлялся в весе. И все же нельзя было затягивать с уборкой. В октябре—ноябре ожидается

утренние заморозки, так говорит прогноз погоды. Уборочные работы надо произвести быстро, очень быстро... И все девушки согласились часть работы передвинуть на ночные часы.

Наступал вечер. И снова в поле шла та же работа.

Участок хорошо освещен. Сильный свет электрических ламп затмевает нежный свет луны. «Отдых!» — объявляет звеньевая. Все разом выпрямляются. Сегодня они не бегут, как обычно, по междурядьям к зеленому пригорку. Они идут устало и медленно разворачивают принесенные с собой узелки с едой... Но что за шум, что за полуночник спешит там на арбе? Это неутомимый Рузмет.

Он подъезжает ближе и сгружает большой котел и свежие лепешки. Это колхоз организовал горячую пищу для наших стахановок. И хотя все очень устали, начинается веселая возня вокруг котла. Такова молодость. Что говорить, тяжел труд на земле! Но даже в те годы, когда у нас не было машин и он был куда тяжелее, — даже тогда мы находили в нем отраду. Уж так устроен человек.

* * *

— И откуда она все это знает? — говорит Алимджан-ата, слушая, как Кумриниса учит своих подруг складывать корни, как грузить на машины, на арбы, как оберегать их от солнца, покрывая влажной землей, брезентом и паласами...

— Ты уже опять здесь, ловец рифм? — Зайнаб оборачивается к арбакешу так стремительно, что пуговица от ее жакетки падает на землю, — наверное, пуговица держалась на одной нитке.

— Вы что-то потеряли, — говорит Рузмет, поднимая пуговицу. — О таком случае как раз сказано у великого Навои:

И где ни ступит пери той нога,
Там сыплотся рубины, жемчуга...

* * *

...Наступали последние дни уборки. Кумриниса похудела, да и все они похудели, наши девочки...

— Ты устала, дочка?

— Нет, папа.

Впрочем, я сам знаю, что не от трудов своих они худеют: волнение сжигает их в эти последние дни. Сколько получится с гектара? Будет ли восемьсот центнеров?

И я очень хорошо помню этот день, один из очень важных

дней в нашей жизни. Уже морозец по утрам тонким ледком обрамлял арыки, и холодный ветер, вестник зимы, давал знать, что она недалеко. Последнюю свеклу вывезли с участка звена. Ахмед-ака вернулся со сдаточного пункта с ворохом бумаг — это были акты и приемочные квитанции. Звено Кумринисы Сагдуллаевой сдало на Янги-Юльский сахарный завод по восемьсот десять центнеров свеклы с гектара.

Ай, маленькие тонкие бумажки, сколько в вас заложено труда, и надежд, и слез, и радости!..

Звено выполнило свое обязательство. И вся бригада Саидбаева вышла на первое место. Это был самый высокий в тот год урожай свеклы в Узбекистане.

* * *

Был и такой день в нашей жизни. Старейшие люди колхоза выдвинули Кумринису кандидатом в депутаты Верховного Совета Узбекистана.

Ох, и смутилась же моя дочка, когда назвали ее имя!

— Ведь я молода. Разве нет у нас людей больше, чем я, заслуживающих такой чести?!

И тут старый Умар-ата — обратите внимание! — произнес целую речь.

— «Если ветер не подует, — ветки не пошевелиятся», — приводит Умар-ата старую пословицу. — Кумриниса расшевелила даже нас, стариков, и мне, например, кажется, что я вовсе и не стар. Во всяком случае, я проживу еще долго, потому что с каждым годом живется все лучше, — так выразился старый Умар.

Вот как меняются люди в труде. Даже такие немолодые люди, как Умар Касымов.

Но волнение не оставляло Кумринису. В тот вечер мы опять сидели с ней на пороге айвана, и она сказала мне:

— Чтобы быть верным слугой народа, мне много еще надо учиться, атаджан. Сталин сказал, что депутат должен быть таким политическим деятелем, каким был Ленин, таким же бесстрашным, беспощадным к врагам народа, мудрым и неторопливым в решении сложных вопросов, правдивым и честным, любящим свой народ. Да, отец, я люблю свой народ и верно буду служить ему... Но хватит ли у меня той мудрости, о которой говорит великий вождь? Ведь я так молода...

И я, подумав, отвечаю дочке:

— Не только годы приносят человеку мудрость. Двери науки

открыты перед нашей молодежью. И разве не мудрейшие люди ведут и направляют вас?... Мы, отцы, гордимся вами и надеемся на вас...

Большой праздник в колхозе: звание Героя Социалистического Труда отныне носят моя дочка Кумриниса и бригадир Саидбаев. Ордена на груди у красивой Зульфии и у сестер Зайнаб и Муслимы. Но представительнее всех выглядит сегодня Умар-ата. Он идет медленно, даже не идет, а плывет к площади. Орден Ленина сверкает на его шелковом халате. В руке Умар-ата держит цветок и время от времени нюхает его...

Большой день сегодня в колхозе.

Площадь перед правлением колхоза полна народа; пошли в ход все стулья и скамейки, какие есть в кишлаке, а кому не хватило, разместились на кошмах, паласах и даже на ближних дувалах.

На возвышении, покрытом коврами, среди цветов сидели наши герои с городскими гостями. Парторг Касымджан сказал речь. Он сказал о великой чести добиваться все более высоких урожаев — чести, которая принадлежит в первую очередь выдающимся мастерам земли — Героям Социалистического Труда. Еще он говорил о советском крестьянстве, с тем, что благодаря колхозному строю мы добились зажиточной жизни и добьемся еще большего. Колхозный строй изменил природу крестьянина. Не только о своем благе думаем мы, взгляды наши обращены в будущее. О большом будущем Родины наши мысли...

Так говорил парторг Касымджан.

А разве я не говорил того же самого в начале этого рассказа?

В этот вечер я снова пережил свое прошлое. Я подумал в первый раз о том, что я уже немолодой человек и вот мои дети встали мне на смену. Они уже узнали, что такое труд и честь человека, они готовы к жизни, и, верно, потому мне не жаль ушедших лет.

Потом выступали поэты. Большой поэт Узбекистана прочел свое стихотворение, посвященное моей дочери.

А когда праздник кончился и мы остались вдвоем с моей дочкой, я поздравил ее еще раз, от себя одного, как отец.

— Спасибо, — сказал я своей дочке, — что ты такая выросла.

И больше я ничего не мог ей сказать. А про себя вспомнил, как однажды ночью мы сидели на пороге нашего дома, и дочка говорила о героях войны, об их великом ратном труде и подвигах.

«Теперь ты, как равная, смотришь в глаза этим людям. И ты совершила свой подвиг на этих вот полях,— подумал я.— Если бы это было иначе, правительство не назвало бы тебя Героем Социалистического Труда... А уж наша власть, власть трудящихся, знает, чего это стоит—добиться такого звания!..»

* * *

«Если ветер не подует,— ветка не пошевелится»,— говорят у нас в народе. Кумриниса начала соревнование, и в этом году уже весь наш колхоз борется за высокий урожай свеклы. И моя вторая дочка, маленькая дерзкая Турсун-ой, тоже звеньевая, перекрыла на своем участке рекорд старшей сестры.

И уже она теперь говорит: «Я одна или все мое звено—мы не вырастим свеклы для всех сахарных заводов Узбекистана. Надо учить других. Пусть и они подтягиваются».

Она ездит в другие колхозы и учит колхозников, как сеять и выращивать сахарную свеклу.

Я забыл рассказать еще одну интересную новость: Зайнаб и Рузмет поженились, теперь ему уже не приходится далеко носить потерянные ею вещи.

Теперь моя дочка Кумриниса—член правительства Узбекистана, но отец для нее есть отец, хоть она и член правительства. И она, как прежде, советуется со мной обо всем.

Агроном Петров и Касымджан-ака—он теперь больше не парторг у нас, он уже давно секретарь райкома партии—приехали к нам в гости. Пришел и Ахмед-ака, председатель.

У нас теперь есть, где принять гостей. В прошлом году новый дом выстроил Кумринисе колхоз. Но, кажется, не меньше радости, чем новый дом, принесли моей дочке кипы книг на русском и узбекском языках—подарок ЦК комсомола.

И пока я занят приготовлением дастархана, а дочка расставляет на столе новую посуду, Касымджан-ака разговаривает с председателем о планах колхоза.

А когда мы все сели за стол, Касымджан-ака сказал:

— Я приехал по важному делу: Кумриниса, мы хотим, чтобы ты поехала учиться в сельскохозяйственный институт. Будешь агрономом, как товарищ Петров. Как ты на это смотришь?

Кумриниса побледнела. Бледная от волнения, она смотрит на меня и говорит:

— Я давно об этом мечтала. А что вы скажете, атаджан?

Что же я могу сказать на это своей дочке?

— Я рад, дочка, — говорю я. — Я сердечно, всей душой за тебя рад. Я хочу, чтоб ты училась на агронома.

И больше я ничего не могу сказать.

Но тут моя дочка вдруг говорит, смотря на всех блестящими глазами:

— Видите, какой мой отец. Ведь ему труднее станет с большой семьей, когда я уйду учиться. Но он смотрит вперед. Он передовой человек, мой отец...

Такие слова сказала моя старшая дочка. И, что скрывать, мне приятны ее слова.

* * *

Я рассказал вам о своей дочери. О своей старшей дочери. Теперь она учится агрономической науке. Но в этом году моя вторая дочь собрала урожай в восемьсот семьдесят центнеров сахарной свеклы с гектара!

И очень многие колхозники собрали столько, сколько Кумриниса в прошлом году. Но Кумриниса говорит, что этого еще мало. Надо, чтобы все, весь колхоз, из года в год собирали все большие урожаи.

Так быстро мы движемся вперед.

Я рассказал вам о Кумри.

Мне почему-то кажется, что мои простые слова послушают и другие отцы и матери. Ведь моя дочь вместе с тем — и одна из дочерей народа.

Теперь она учится. Перед нею большая дорога. И большие планы и надежды лежат впереди... Большая дорога перед моей дочкой. И вы, другие родители, может быть, скажете ей вместе со мной:

— Добрый путь, Кумриниса! Добрый путь!

Редактор — А. СУРКОВ.

А 06040. Подписано к печ. 10/VIII 1950 г. Тираж 150 000 экз. Зак. 1981.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.

**ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ
СПОСОБСТВУЮТ
ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР!**

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ:

ПРИКИМАЮТ вклады и выдают их по первому требованию вкладчиков.

ПЕРЕВОДЯТ вклады по поручению вкладчиков из одной сберегательной кассы в другую.

ВЫДАЮТ и **ОПЛАЧИВАЮТ** аккредитивы.

По вкладам, внесенным в сберегательные кассы, вкладчикам выплачивается доход в виде выигрышей или процентов.

**ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАССАХ!**